его заточение не способны были отлучить Иакинфа от научных занятий, которые он продолжал еще более яростно.

Ценнейшие его труды и блестящее знание китайского языка заставили властителей освободить его из ссылки, где он пробыл около пяти лет. В 1826 г. Николай I высочайше повелел: «Причислить монаха Иакинфа Бичурина к Азиатскому департаменту». Похоже, что слишком нуждалось в нем Министерство иностранных дел. Но Азиатскому департаменту, который он посещал лишь эпизодически, Иакинф предпочел добровольное заключение в монашеской келье Александр-Невской лавры, чтобы продолжать свои синологические труды.

Крупный востоковед и историограф Н. И. Веселовский писал о деятельности Иакинфа: «С этого времени (1826 г.) начинается его неутомимая литературная деятельность, изумлявшая не только русский, но даже и иностранный ученый мир. Клапрот (немецкий востоковед.— *Н. Ф.*) прямо высказал, что отец Иакинф один сделал столько, сколько может сделать только целое ученое общество»[7].

Иакинфом Бичуриным внесен значительный вклад в изучение Монголии. В 1828 г. он опубликовал свои «Записки о Монголии», в которых ввел в научное обращение новые китайские источники по монгольской истории, а также обработал и перевел эти источники с китайского языка на русский.

Вышедшие вскоре его многочисленные монументальные труды по Китаю и другим странам Дальнего Востока далеко опередили по охвату материала и интерпретации работы современных ему авторов в России и Европе. Высоким признанием научной ценности исследований Иакинфа явилось четырехкратное присуждение ему Демидовских премий. За выдающиеся успехи в области востоковедения Иакинф был избран в 1828 г. первым членом-корреспондентом Российской Академии наук, а в 1831 г.— действительным членом Азиатского общества в Париже.

Ведущая роль Иакинфа в мировом китаеведении была фактом бесспорным. Синологические его работы широко переводились на различные европейские языки. В 1830 г. на французском языке вышло его «Описание Тибета», а затем — «Записки о Монголии», «Описание Пекина» и др. Одновременно эти работы и «Описание Чжунгарии» были переведены на немецкий язык.

Иакинф считал необходимым введение в научное обращение сведений восточных источников, непременное использование документального текста, обоснование авторских обобщений и выводов сведениями подлинных исторических и литературных памятников, а не ссылками на недостоверные данные или суждения эфемерных авторитетов.

Обнаружив разногласия в европейских источниках по вопросу исторического освещения Центральной Азии, Иакинф указывал на то, что западноевропейские ученые вначале основывались на трудах греческих историков и географов, а затем лишь начали разрабатывать и китайские источники. Этим и объяснялось то, что западноевропейские ученые отдавали предпочтение грекам и «единогласно заключили, что китайцы по своему невежеству перепутали древнюю историю Средней Азии»[8]. Иакинф, однако, доказывал, что если читать «китайскую историю в подлиннике, притом без предубеждения против азиатского невежества...», черпать сведения без искажения и полностью, то китайские источники могут значительно пополнить и прокорректировать греческие сочинения. Из этого понимания и вытекало заключение Иакинфа, что «европейцам есть чему научиться у китайцев».

---

[7] А. Н. Бернштам. В кн.: Н. Я. Бичурин. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Изд. АН СССР, М.— Л., 1950, с. IX.

[8] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. Предуведомление, с. 10.